
О. А. КАЖАНОВ

**ЕВГЕНИЙ ТАРЛЕ О ГРАНЯХ
СОПРИКОСНОВЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ
(на примере творчества Н. К. Михайловского)**

Статья посвящена изучению проблемы соотношения академической и неакадемической форм развития науки об обществе в дореволюционный период становления отечественной социологии. Анализируются взгляды Е. Тарле, исследовавшего публикации Н. К. Михайловского относительно социальных аспектов теории подражания в периодической печати, на место и роль жанра публицистики в научном познании социума. Показана актуальность ряда сделанных выводов для современного взгляда на научную публицистику как «пограничную зону познания», сочетающую в себе образно-эмоциональные и теоретико-логические средства осмысления социальной действительности.

Ключевые слова: история русской социологии, академическая социология, социологическая публицистика, органическая связь науки и публицистики, межпредметное познание социального.

С момента своего зарождения дореволюционная социология в России всегда отличалась тесной связью с реальными проблемами общественной жизни. Ее представители не замыкались в узких рамках профессиональной деятельности научного сообщества, а активно откликались на злободневные вопросы, волновавшие общественное сознание, пытаясь вскрыть их суть и предложить пути решения. «Все они, – указывает Е. И. Кукушкина, – в равной степени были движимы заботой о судьбах России и стремлением помочь ей достичь успеха на пути социального прогресса» (Кукушкина 2004: 15).

В связи с этим обстоятельством современные историки науки об обществе, систематизируя начальный этап ее развития в нашей

стране с момента появления до Первой мировой войны и Октябрьского переворота 1917 г., выделяют два основных направления данного развития:

1) *академическую социологию*, развивавшуюся в рамках высших учебных заведений, в научных институтах, в ходе учебного процесса;

2) *публицистическую социологию*, то есть ту часть социологии, которая была наиболее социально-политически ангажирована (Осипов, Култыгин 2009: 344–345).

Проблема взаимосвязи теоретико-концептуальных изысканий и публицистического анализа актуальных социальных явлений и процессов в рамках общего научно-обществоведческого континуума не имеет в настоящее время однозначного решения.

Согласно одной из точек зрения, эти формы творчества имеют совершенно разные цели. Если научное познание стремится к получению объективного знания об исследуемом объекте, то публицистика формирует общественное мнение, то есть интегрирует в массовое сознание определенную субъективную точку зрения на актуальную социальную проблему. Творчество ученого ориентировано на поиск универсального знания, не привязанного к конкретной ситуации, а публицист имеет дело с ситуативным знанием, ориентированным на объяснение происходящих событий, волнующих общество. «Публицистическое произведение, следующее по горячим следам события, – указывала советский исследователь В. Ученова, – отнюдь не может, да и не “обязано” содержать теоретически-инвариантные (в достаточно широких пределах) выводы. Но это произведение “обязано” дать политическую интерпретацию явления, то есть определить его роль и место с точки зрения политических требований дня. Должно выяснить и объяснить, что это событие представляет сегодня, сейчас, чем обернется в ближайшем будущем» (Ученова 1971: 81). Другими словами, научная значимость такого рода аналитики сомнительна, а общественная востребованность значительна. Признавая значимость публицистической социологии на начальном этапе развития науки в России, сторонники этой точки зрения отмечали некую противоречивость складывавшейся ситуации. «Парадокс заключается в том, что, хотя для долгосрочной перспективы общественного развития фундаментом

выступала академическая социология, ее влияние на широкое общественное мнение, на мысли и чувства современников было гораздо менее заметным, нежели горячо обсуждавшиеся и вызывавшие бурю страстей работы социологов-публицистов» (Осипов, Култыгин 2009: 345).

Оппоненты, признавая принципиальные различия научной и публицистической форм познания, усматривали наличие некоей пограничной зоны, в рамках которой взаимовлияние приводит к возникновению жанра научной публицистики, не только выполняющей популяризаторскую функцию, но и играющей важную роль в создании междисциплинарного знания об окружающей нас разнообразной реальности. «Научная публицистика – это вовсе не литература, – пишет психолог А. Асмолов, – которая стремится просто и популярно объяснить многообразие окружающих нас миров. Она выполняет особую миссию – миссию прорыва к целостному пониманию действительности, движения мысли “поверх барьеров” (Б. Пастернак)» (цит. по: Тендрякова 2006: 4).

В качестве разновидности этого жанра рассматривается и социологическая публицистика, в рамках которой теория соединяется с практикой социальной жизни. В этом плане достаточно показательна идея публичной социологии как одной из моделей развития науки об обществе, выдвинутая американским ученым М. Буравым. Ориентированная на контакты с внеакадемической аудиторией, она вовлекает элементы гражданского общества в диалог о будущем социума (Буравой 2009: 163). Наиболее подходящей формой такого общения становится публицистика, позволяющая исследователю, вовлеченному в водоворот общественной жизни, выражать в доступной форме рефлексивное знание, предлагая конкретные средства решения тех или иных практических проблем, определяя свою позицию относительно происходящих социальных процессов. В одном лице соединяются представитель науки и гражданин, определяя многообразие того, кто избирает жанр научной публицистики: «роль ученого, роль человека, которому дано перо и который к тому же должен быть носителем мифопоэтического мышления» (Тендрякова 2006: 8).

Показывая двойственный характер взаимосвязей профессиональной и публичной социологии, М. Буравой приводит в качестве

исторического примера творческий путь П. Сорокина. Если в период эмиграции как ведущая фигура американской академической науки ученый выступал против ее интеллектуальной ограниченности, невнимания к главным вопросам современности, то в условиях российской действительности начала XX в. активная политическая деятельность вдохновила его на написание «Системы социологии» (Буравой 2009: 170). Как участник революционных трансформаций того времени Сорокин отражал свои наблюдения на страницах печати, вскрывая внутреннюю логику происходящего. Жанр социологической публицистики позволял автору не только описывать событийную «фактуру» времени, но и осмысливать ее теоретически, анализируя проявление ряда социальных феноменов (гражданского общества, прав человека, государственного устройства и т. д.) через призму российской действительности. Тем самым, считает А. Бороноев, «...П. А. Сорокин продолжает и развивает традицию русской социологии, заключающуюся в нацеленности на исследование актуальных социальных отношений, проблем страны, желания активного участия в их разрешении» (Бороноев 2000: 6).

Проблема соотношения академической и неакадемической форм становления русской социологии, роль жанра публицистики в научном осмыслении социальных процессов привлекала внимание отечественных и зарубежных историков науки об обществе еще в дореволюционный период. По мнению Е. И. Кукушкиной, на рубеже XIX–XX вв. выделялись два основных подхода в понимании публицистичности как специфической черты социологической мысли в России (Кукушкина 2011: 126–127).

Ряд аналитиков усматривали теоретическую «слабость» отечественной науки в увлеченности ее представителей разрешением внутренних социальных проблем русской действительности. Как квинтэссенцию политического мировоззрения рассматривал отечественную социологию П. Миллюков, ссылаясь на всю историю русской мысли. Американец Ю. Геккер, опубликовавший в 1915 г. монографию о русской социологии, пришел к выводу: в силу исключительно тесной связи социологических теорий с событиями политической и общественной жизни эта наука в России представляет собой не столько созданный профессионалами вид теоретического знания, сколько выражение позиций лидеров общественного мнени-

ния (Кукушкина 2011: 127). Ориентированность на публицистическую полемику в отношении конкретных вопросов, волнующих людей «здесь и сейчас», снижала научную значимость исследовательской активности, «хороня большую часть остроумной социологической мысли в недрах русской периодической литературы» (Necker 1934: 299).

По мнению Н. И. Кареева, такая точка зрения отражала поверхностное представление о публицистичности социологии. Российские политические условия, в которых начиная с 60-х гг. XIX в. формировалась наука, предопределяли неакадемическую направленность ее развития. «Социологические работы могли находить приют, – писал он, – только в журналах, посвященных другим родственным специальностям, или в журналах общего характера» (Кареев 1913: 397). Этот факт отнюдь не умаляет научной значимости публикаций в периодической печати. Из огромного массива публицистики исследователь выделяет «социологию журнальную», определяя ее как «более научную, чем публицистическую» (Кукушкина 2011: 127). Схожей позиции придерживался и Б. А. Кистяковский, указывая, что на страницах газет могут находить себе место как высшие виды публицистики, так и научные социологические очерки, хотя они не составляют существенной принадлежности текущей прессы (Кистяковский 1902: 303).

Интерес к неакадемическим формам социологии проявлял и русский историк Е. В. Тарле, который анализировал уровень развития науки об обществе на рубеже XIX–XX вв. В одной из публикаций, увидевших свет в это время, он попытался определить степень научной значимости жанра публицистики на примере анализа работ Н. К. Михайловского – основателя субъективной школы в русской социологии (Тарле 1902).

Тот факт, что общественные науки (юриспруденция, история, этнография и т. д.) тесно связаны и практически, и теоретически с социальной жизнью, формирует, по мнению Тарле, устойчивый интерес общественности к их развитию. Постулаты этих наук позволяют общественным деятелям прийти к твердым и обоснованным выводам относительно хаотической массы явлений текущей действительности. Особое место в системе обществоведения должна занимать социология как венец человеческих знаний, как одно

из могущественнейших идейных орудий социального прогресса. Идея метанауки, способной вобрать в себя все общественные дисциплины, столь характерная для 60–70-х гг. XIX в., теряет свою популярность на рубеже XIX–XX вв., оставаясь актуальной лишь для части адептов обществознания, продолжающих верить в реальность поставленной задачи. Современное Е. Тарле состояние социологии заставляет усомниться в возможности ее осуществления. «В нынешнем своем виде социология, – пишет он, – есть груда описательных материалов, частью очень хорошо разработанных, частью весьма мало тронутых научною критикой, да такая же груда схем, гипотез, теорий, имеющих целью в этих материалах разобраться, вывести из них систему аргументированных обобщений» (Тарле 1902: 34). Анализ состояния двух уровней научного познания: теоретического и эмпирического – убеждает в том, что обобщения последней группы более прочно обоснованы и реже подвергаются ударам критики, нежели теории первого рода, зачастую ничем не связанные с реальной почвой фактов.

Несмотря на неразвитость социологии как науки в целом, ее содержание устойчиво привлекает к себе внимание публицистов в сфере как общесоциологических гипотез, так и частных теорий. Одной из причин подобного интереса Е. Тарле считает «полулегальное» положение этой общественной дисциплины в царской России, стремление властей не допустить ее популяризации в обществе. Препятствия на пути развития академической формы науки компенсируются обращением ученых к жанру публицистики. Он позволяет актуализировать теоретические и эмпирические наработки, использовать их при анализе волнующих общественность «противоречий и несообразностей жизни», несмотря на незавершенность процесса становления науки. Публицистика привлекает внимание исследователей возможностью практической актуализации результатов проводимых исследований. «Людам, посевшим в настоящей научной работе, – отмечает автор, – естественно заинтересоваться, каково отражение выработанных ими научных принципов в текущей жизни» (Там же: 36).

Однако существует и обратная связь между публицистикой и социологией. Обращение писателя, высказывающегося по актуальной проблеме, к данным обществоведческой науки придает убедительность его позиции в глазах читающей публики. Борьба за

умы людей не отвращает «искренних» публицистов от поиска истины – всестороннего научного освещения общественных явлений. Наиболее талантливые из них, умеющие комбинировать фактологический материал и обобщать сделанные наблюдения, способны перейти границу, отделяющую публицистическое творчество от научных изысканий. «Иногда случается, – указывает Е. Тарле, – что публицист становится при этом в положение не пассивное, но активное, не только учится, но и учит современных ему обществоведов, словом, рука об руку с ними, а не на буксире у них, идет по тернистому пути, по неразработанному хаотическому поприщу возникающей науки» (Тарле 1902: 35). Другими словами, публицистический анализ конкретной социальной действительности «здесь и сейчас» позволяет сделать догадки о сути протекающих процессов, осмысление которых в рамках научного познания способно натолкнуть исследователя на формулирование универсальных абстрактных закономерностей, действующих как на социетальном, так и на институциональном уровнях жизни социума.

Е. Тарле приходит к мысли о том, что между наукой и публицистикой существует не случайная, а глубокая органическая связь при всем видимом различии в поле наблюдения и методах работы. Те из ученых, которые принимали эту связь, не считали зазорным сочетать занятия и первым, и вторым. Среди них русские и зарубежные исследователи, внесшие существенный вклад в развитие обществознания: Т. Момзен, Р. Вирхов, К. Кавелин, В. Ламанский, Дж. Милль, Г. Тард, Г. Спенсер и др. (Там же: 35–36).

Грани этой связи нередко становятся объектом исследования современных ученых. Так, изучая взаимосвязь политологии и публицистики, П. Киричек пришел к выводу о том, что и эмоционально-образное восприятие действительности, присущее литератору, и рационально-логическое ее «препарирование», осуществляемое ученым, выполняют одну функцию – функцию познания. «Образ в публицистике, – пишет он, – тоже знание, он в равной степени может быть иносказательной идеей, пред- и постидеей. Иногда он познавательную операцию начинает, а иногда – венчает. И тогда либо проступает образный зародыш научного знания, либо у знания появляется образная оправа, придающая ему отточенную завершенность» (Киричек 1995: 11).

Научную продуктивность социологической публицистики Е. Тарле пытается показать на примере творчества широко известного на рубеже XIX–XX вв. отечественного ее представителя – Н. К. Михайловского. Обращение к изучению его «журнального» наследия представляется нам достаточно актуальным с позиций современного уровня изучения истории русской социологии. Исследователи в ряде случаев противопоставляют по значимости теоретические работы академистов-социологов, издававшихся за рубежом и мало известных читающей публике в России, периодике социологов-публицистов, популярность которой была огромной, несмотря на «сомнительную научную ценность». В одной из работ в качестве примера приводятся похороны умершего в 1904 г. Н. К. Михайловского, собравшие несколько сотен тысяч людей и вызвавшие публикацию бесчисленного множества некрологов и материалов в различных газетах и журналах (Осипов, Култыгин 2009: 345). В своей статье Е. Тарле как бы вступает в заочный спор с рядом современных историков отечественной социологии, отстаивая органическую связь публицистики и науки на примере анализа журнальных публикаций одного из выдающихся русских социологов второй половины XIX в.

Оценивая развитие обществоведческой мысли в XIX в., автор приходит к убеждению, что, несмотря на существенный вклад ряда исследователей в разработку теоретических концепций социального (приводятся имена Г. Спенсера, К. Маркса, Л. Уорда, А. Шефле, Н. Михайловского), социология так и не превратилась в науку. Предлагаемые подходы были достаточно далеки от точности и фактической обоснованности естественно-научных законов, причиной этого являлась слабая эмпирическая составляющая обществоведческих исследований. Как пишет Е. Тарле, «...нужна почва, которой теперь нет, нужно такое разработанное состояние описательных социологических материалов, такая их полнота, такое совершенство частных общественных наук, о которых можно пока только мечтать» (Тарле 1902: 37).

Научная публицистика, по мнению автора, вносит свой вклад в создание этой «почвы», предоставляет ученому благоприятные возможности в этюдной форме исследовать «частные социологические проблемы», тем самым формируя развернутую фактологию

ческую основу для обоснованных теоретических выводов в сфере социальной проблематики. Публицистическое творчество Н. К. Михайловского – пример плодотворной работы в этом направлении. Объектом его научного интереса стали социальные аспекты проявления феномена подражания, социологический смысл слов «герои и толпа». Публикации в прессе на эту тему привлекли внимание не только читающей публики, но и серьезных ученых. «Эти немногочисленные его этюды, посвященные частным вопросам общественности, – отмечает Е. Тарле, – имеют серьезную научную ценность; они... все чаще и чаще упоминаются в трудах социологов, и история науки игнорировать их не сможет ни в каком случае...» (Тарле 1902: 38). Увлеченность Н. К. Михайловского заявленной проблематикой проявлялась в том, что наряду со специальными публикациями («Герои и толпа», «Научные письма», «Еще о героях», «Еще о толпе» и др.) он затрагивал ее и в публицистических статьях на другие темы, тем самым подчеркивая общественную значимость этого вопроса. Русский социолог, по мнению Е. Тарле, гармонично сочетает в себе качества литератора и аналитика. «Метод указанных статей есть метод научный, – отмечает он, – но живейший публицистический интерес автора (Н. К. Михайловского. – О. К.) к сюжету совершенно несомненен» (Там же).

Сочетание в одном лице ученого и писателя позволяет автору соединять рационально-логический подход к анализу изучаемой проблемы с личной эмоционально окрашенной точкой зрения на пути ее решения. Социологический «журнализм» Н. К. Михайловского – яркая иллюстрация этой мысли. Поднятый им вопрос о роли субъективного фактора в истории, делении общества на элиту и широкие массы находит свое отражение как в строго научном анализе проявления в действительности этого феномена, так и в «душевном интересе» публициста использовать полученные знания на благо общества. Так, внимание, проявленное Михайловским на страницах публикаций в периодических изданиях к деятельности «первых людей» в различных сферах социума, привело автора к заключению о том, «...что в истории общественной жизни случается то, чего никогда не бывает в истории, например, искусства: иногда роль вождя... выпадает на долю лица, которому не дано ни яркого горения мысли, ни того, что Достоевский называл “даром великоду-

шая», ни, по-видимому, каких-либо иных экстраординарных черт ума, таланта и характера» (Тарле 1902: 40). Выявленная закономерность заставляет писателя Н. К. Михайловского, приверженца идеи гармоничного слияния правды-истины и правды-справедливости, поднимать вопрос о социальном значении моральных качеств человека, наделенного талантом. В поисках идеала он обращается к творчеству русских писателей: М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, – называя их «служителями света и правды».

Морализаторство как профильная направленность публицистики, по мнению уже упоминавшегося выше П. Киричека, отличает этот жанр от науки. «При всем желании публицистика, – указывает он, – не способна выскочить за грань морального круга. Она вся до последней клеточки пронизана *императивной нравственностью* (курсив автора. – О. К.). Все публицисты – по сути дела моралисты (независимо от проблемно-тематической специализации), и не случайно их называют духовниками, читающими проповеди с газетно-журнального и радиотелевизионного амвона» (Осипов, Култыгин 2009: 12). Талантливый исследователь, считает Е. Тарле, способен перейти эту грань, усиливая познавательный потенциал своей работы.

Соотношение интеллекта и воли в деятельности «первых людей», указывает автор, всегда было особым объектом интереса Н. К. Михайловского, заставляя умолкнуть в нем публициста и заговорить ученого. Особое внимание в своих публикациях он уделяет анализу взаимоотношений «героев и толпы» в общественно-политической сфере социума. Именно здесь незаурядные качества «воли» или случайности массового настроения могут превращать в лидера человека, достаточно заурядного в интеллектуальном плане. Этот феномен должен осмысливаться в чисто научном плане, независимо от нравственной оценки автора. На одной из первых страниц статьи «Герои и толпа» Михайловский следующим образом определяет методологические основания своего исследования: «Задача состоит в изучении механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, а не в изыскании меры величия» (Там же: 42).

Е. Тарле отмечает, что Н. К. Михайловский, как всякий талантливый ученый, обладает способностью сосредоточения внимания,

что позволяет ему в рамках публицистики плодотворно работать с фактологическим материалом, вскрывая внутреннюю суть происходящего, невидимую взору заурядного наблюдателя. «Есть коротенькое понимание фактов социальной жизни, – но самые факты коротенькими не бывают, – пишет он, – под наиболее будто бы простым из них таятся нередко целые наслоения других фактов, социальных отложений и идейных пластов» (Тарле 1902: 42). Умение не только выделять события и явления, характеризующие поднятую проблему, но и рационально обобщать их содержание позволяет Н. К. Михайловскому как ученому определить методологическую линию в исследовании вопроса: выявление закономерностей, управляющих отношениями между вождем и предводительствуемыми. В этом же ракурсе даются теоретические определения «героев» и «толпы», лишённые нравственной оценки: «героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» (Там же: 43).

По мнению Е. Тарле, публицистика Н. К. Михайловского, а затем и работы Г. Тарда обеспечили в конце XIX в. научную постановку проблемы общественного лидерства во всей ее социологической широте. Выбранный жанр позволил избежать крайностей научной специализации, связанной с узкопрофильностью взглядов на сущность изучаемого представителей разных областей знания, выйти на целостное понимание действительности. Отметим, что точка зрения Тарле на исследовательскую продуктивность научной публицистики созвучна высказываниям отдельных сторонников такого подхода в настоящее время. «Научная публицистика в собственно культурном значении этого жанра, – указывает, например, А. Асмолов, – это всегда зона прорыва к тем проблемам, на которые замкнутые в своих комнатах науки ищут и не находят ответа» (цит. по: Тендрякова 2006: 4).

Н. К. Михайловский, считает Е. Тарле, одним из первых показал междисциплинарный характер научной публицистики. Анализируя в своих статьях тему «героев и толпы», автор «выискивает самые разнохарактерные факты и черточки, нужные для освещения

проблемы во всевозможных областях знания – юриспруденции, истории литературы, физиологии, медицине, зоологии и т. д.» (Тарле 1902: 43). Исследователь творчества Михайловского исходит из посылки о том, что социология должна рассматриваться как обществоведческая метанаука, фактологическую основу которой призваны формировать частные области научного знания. Среди них – история как некий «гигантский склад материалов», необходимых для теоретических обобщений в рамках решения поднятой проблемы. «Обществоведение, *и только* (курсив автора. – О. К.) оно одно может взять на себя анализ материалов и из этого гигантского склада, и из других сопредельных хранилищ социального наблюдения, – то есть из других частных общественных наук» (Там же).

Интерес ученого-публициста Н. К. Михайловского к историческому материалу в решении вопроса о взаимоотношениях лидеров и широких народных масс Е. Тарле считает неслучайным. Во-первых, именно история – важнейшая вспомогательная дисциплина, поставляющая основные факты для социологического исследования заявленной проблематики. Во-вторых, пронизательность взгляда Н. К. Михайловского на прошлое человечества столь велика, что она позволяет автору при минимуме объективной информации, противоречивости выводов используемых источников прийти к глубоким по своей сущности теоретическим умозаключениям. «Эту способность, – указывает Е. Тарле, – отличить всюду главное, найти общую истину даже там, где, казалось бы, допущена частичная ошибка, – Михайловский нигде не проявляет с большим блеском, нежели именно в своих исторических суждениях» (Там же: 45).

Междисциплинарный характер публицистического анализа позволяет при решении сложных теоретических проблем преодолеть раздробленность научного внимания в рамках отдельных специальностей. Об этом пишет Н. К. Михайловский, осмысливая феномен подражания в социальном поведении людей. «Потрудитесь припомнить весь цикл существующих так называемых социальных наук, – приводит его слова Е. Тарле, – и вы увидите, что ни на одну из них нельзя возложить обязанности изучения массовых движений, как таковых, то есть в их существенных и самостоятельных чертах» (Там же: 47). Даже один из пионеров социологического ис-

следования этой проблемы на Западе Г. Тард допускал безосновательные суждения относительно исторических проявлений теории подражания, редуцируя их суть с позиций одной из общественных дисциплин. «Тарду, весь век занимавшемуся проблемами, тесно связанными с психологией, – пишет Е. Тарле, – показалось возможным выбросить за борт все социально-экономические условия, легшие в основание исторических движений, и объяснять эти движения так, как было удобно со своего специального штандпункта» (Тарле 1902: 47).

Протест против излишеств специализации, высказанный Н. К. Михайловским еще в последней четверти XIX в., не утратил своей актуальности и в начале следующего столетия. Однако стремление русского ученого видеть социологию хозяйкой в «великом и величественном храме науки» остается несбыточной мечтой. Его слова о том, что мы слишком далеки от идеала истинного сотрудничества различных областей знания, по мнению Е. Тарле, подтверждаются прогрессом отдельных наук в накоплении фактов и их скрупулезном анализе, затрудняя задачу необходимой социологу кумуляции разнохарактерных знаний (Там же: 48).

Расширение базы данных в рамках истории, этнологии, психологии и других общественных дисциплин сопровождалось активизацией аналитической работы, в процессе которой формировались разнообразные теоретические концепции, стремившиеся вскрыть универсальные закономерности изучаемого объекта. Не являлась исключением и сама социология того времени. Жажда специалистов-обществоведов стоять лицом к лицу с фактами, по возможности, без всякого посредничества чужого и теоретизирующего интеллекта, считает Е. Тарле, чревата их искажением. В подтверждение своей мысли он приводит слова М. Монтеня: «Образованные люди наблюдают с большим интересом и подмечают более фактов, но они при этом и истолковывают их. Чтобы навязать нам свое объяснение, они не могут не изменить немножко истории и никогда не представят вам фактов в чистом виде, а исказят и замаскируют их согласно точке зрения, с которой сами смотрят на них; а чтобы придать больше доверия своему суждению и заставить вас принять их мнение, они легко прибавят что-либо к одной стороне явления и преувеличат ее» (Там же: 48–49). Задача социоло-

лога резко усложняется, ибо наряду с анализом разнообразного «сырого» фактологического материала, что было характерно для творчества Н. К. Михайловского, он обязан предварительно ознакомиться со всеми попытками односторонних решений теоретической проблемы, уже имевшими место в отдельных общественных науках.

Жанр публицистики, которым пользуется Михайловский, раскрывая социологические аспекты теории подражания, по мнению Е. Тарле, имеет не только достоинства, но и недостатки. Слабая сторона творчества русского социолога – неумение систематизировать результаты своих исследований. Перемешанные в изложении исторические, юридические, естественно-научные факты, иллюстрации из художественной литературы снижают силу аргументации. «Если бы из всех статей, разбросанных во II томе “Сочинений” (Н. К. Михайловского. – О. К.) и трактующих о “героях и толпе” была составлена целая книга, – отмечал он, – и если в этой книге была совершена систематическая перестановка всех приводимых в изложении аргументов и фактов, – тогда выпуклость и яркость основной мысли еще более остановили бы внимание читателя, нежели это случилось на деле» (Тарле 1902: 46). Одна из причин, по которой пальму первенства в научной постановке проблемы подражания адепты обществознания отдавали Г. Тарду, а не Н. К. Михайловскому, заключалась в обладании первым внешнего, но очень важного качества – систематичности изложения материала.

В то же время социологическая публицистика позволяет проводить черновую работу проверки фактологических данных, полученных в рамках специализированных дисциплин, преодолевая «зашоренность» ученых рамками профессиональной специализации, «позволяя посмотреть, что делается у соседа». Социологическая публицистика давала возможность Н. К. Михайловскому достичь полноты познания общественной проблемы – того, к чему он стремился как ученый.

Не менее важна ее роль и в реализации практической функции науки – реагировании на актуальные проблемы общественной действительности. «Социология ближе всего стоит к общей социальной реформе и социологу, – указывает Е. Тарле, – скорее, нежели всякому другому ученому, необходимо ни на минуту не слепнуть

и не глохнуть по отношению к окружающей жизни» (Тарле 1902: 50). Стимулом для публицистического творчества становятся реальные социальные явления и процессы, позволяя ученому как гражданину реагировать на происходящее «здесь и сейчас», в то время как научные формы познания требуют времени, в рамках которого «вызревает» сущностная составляющая объекта изучения. По признанию самого Н. К. Михайловского, «практическим, житейским толчком» для написания статьи о «героях и толпе» стали еврейские погромы начала 80-х гг. XIX в., а рецензию на одну из научных работ, посвященных изучению уголовных процессов в России, он закончил выводом о взаимосвязи между преступлениями и количеством социальных контрастов в обществе. Таким образом, социологическая публицистика как никакая другая способна актуализировать любой общественно-научный вопрос, выводя из бытийной проблематики новые направления научного поиска.

Именно эту черту публицистического творчества Михайловского, посвященного изучению проблемы подражания в социальных отношениях людей, Е. Тарле считает одной из самых продуктивных. Разносторонне анализируя вопрос о «героях и толпе» на примере деятельности массовых народных движений разных эпох и стран, русский социолог одним из первых указывает на роль бессознательного в прошлой и текущей истории человечества. Его «этюды» ориентируют науку на сущностное изучение выявленного феномена, что можно сделать лишь в рамках академических исследований. «Этот вывод с тех пор повторялся и подтверждался другими социологами, – пишет Е. Тарле, – но ближайший анализ этого бессознательного, определение не проявлений, а *природы* (курсив автора. – *О. К.*) бессознательного, были и остаются не сделанною работою» (Там же: 51).

Не менее продуктивной социологическая публицистика Н. К. Михайловского оказалась и в плане работы исследователя с фактологическим материалом. На страницах своих статей, посвященных изучению проблемы подражания, автор расширяет традиционную сферу анализа описательных материалов, являющуюся основой для научно-теоретических обобщений. Он ломает сложившуюся монополию популярной в России второй половины XIX в. органистической школы Г. Спенсера с ее ориентацией на

биологические аналогии в общественном знании. И хотя исследователь, как считает Е. Тарле, был склонен рассматривать природное как фундамент, на котором зиждется социологическое исследование, в своих публицистических исследованиях он делает акцент на изучении фактов из истории и криминалистики. Тем самым Михайловский предугадывает новое направление в работе обществоведа с фактологическим материалом, нашедшее применение в новой марксистской социологической школе, получившей популярность в России на рубеже XIX–XX вв. «Преобладавшая в середине девяностых годов в России социологическая тенденция далеко разошлась с Михайловским, – указывает Е. Тарле, – но в одном отношении можно установить некоторую близость между ним и представителями исторического материализма, именно в их рабочей манере: и тот, и другие (в особенности последние) выдвинули на авансцену изучение конкретных фактов социальной истории, слишком заслоненное у Спенсера биологией и этнографией» (Тарле 1902: 52).

Пример с творчеством Н. К. Михайловского говорит также о том, что научная публицистика позволяет социологу в рамках анализа отдельных социальных феноменов проводить предварительную работу по изучению проблем социального уровня. Анализ природы массовых движений, неизбежно возникающих в условиях борьбы социальной группы (например, нации) за самосохранение, осуществленный Михайловским на страницах социологических этюдов о подражании, по мнению Е. Тарле, позволяет раскрыть один из аспектов великой проблемы о жизни и смерти отдельных человеческих обществ.

Жанр публицистики требует от ученого определенной литературной индивидуальности, ибо аудитория, к которой он обращается, включает в себя как представителей научного сообщества, так и широкую читающую публику. Проблема, которую необходимо донести до общественности, требует такого изложения, «что читатель, самый далекий от публицистики, начинает понимать все огромное, живое, общественное значение этого вопроса, а читатель, далекий от науки, в свою очередь, не будет оспаривать всей невозможности приступать к анализу данной задачи без помощи научных данных» (Там же: 38). «Этюдное» творчество Н. К. Михайлов-

ского – яркий пример такой литературной индивидуальности. Изучая проблему «героев и толпы», он не только талантливо показывал органическую связь между интересами общественной жизни и проблемами общественной науки, но и «никогда не упрощал насильственно сюжет своей работы, никогда не принимал и, главное, *не стремился* (курсив автора. – О. К.) принять сложного явления жизни за простое, никогда умышленно не подравнивал изучаемых социологических феноменов под один предустановленный ранжир» (Тарле 1902: 53). И в этом плане, заключает Е. Тарле, публицистика не менее, чем серьезные социологические работы, дает Н. К. Михайловскому право на прочное место в истории науки.

Таким образом, проблема соотношения академических и неакадемических форм развития науки, в том числе и науки об обществе, неоднозначно решаемая специалистами в настоящее время, имеет глубокие исторические корни. Уже в дореволюционной России она волновала исследователей отечественной социологической мысли, которые не только формулировали основные альтернативы ее осмысления, но и разрабатывали систему аргументов в защиту предлагаемых подходов. Именно в этом, на наш взгляд, состоит ценность аналитической работы Е. Тарле. На примере публицистического творчества одного из известных русских социологов второй половины XIX в. он попытался рассмотреть публицистику как некую «пограничную зону познания», в которой литературный талант автора и логика теоретического познания дополняют и усиливают друг друга. Ряд выводов, сделанных автором, звучат достаточно современно, во многом перекликаясь с аргументацией современных сторонников научной значимости социологической публицистики. Тем самым подтверждается мысль о существовании уникальной по научному заделу, но еще малоизученной предистории современной российской социологии.

Литература

Бороноев, А. 2000. Предисловие. В: Сорокин, П. А., *Заметки социолога. Социологическая публицистика*. СПб.: Алетейя.

Буравой, М. 2009. Приживется ли «публичная социология» в России? *Laboratorium* 1: 162–170.

Карсев, Н. 1913. *Введение в изучение социологии*. СПб.

Киричек, П. Н. 1995. *Публицистика и политология: Природа альянса*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та.

Кистяковский, Б. А. 1902. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем. В: Новгородцева, П. И. (ред.), *Проблемы идеализма*: сб. ст. М.: Изд-во Московского психологического общества.

Кукушкина, Е. И.

2004. *Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века)*. М.: Высшая школа.

2011. Социологи и публицистика. *Социологические исследования* 3: 126–134.

Осипов, Г. В., Култыгин, В. П. (отв. ред.) 2009. *История социологии*: учебник. М.: Норма.

Тарле, Е. 1902. Из истории обществоведения в России. *Литературное дело*: сб. СПб.: Тип. Калпинского.

Тендрякова, М. В. 2006. *Охота на ведьм: исторический опыт интолерантности*. М.: Смысл.

Ученова, В. В. 1971. *Гносеологические проблемы публицистики*. М.: Изд-во МГУ.

Hecker, J. 1934. *Russian Sociology*. London: Chapman and Hall, Ltd.